

Моск. колл. сохр. 1979

ВВЕДЕНИЕ В НАСЛЕДСТВО 26 окт.

Как песенно-прекрасная Русь

ПРАЗДНИЧНО • НАРЯДНЫЙ, звонкоголосый мир Кустодиева, рифмуясь с простодушным, радостным миром пестрых ярмарок и масленичных катаний — с Русью песенно-прекрасной, словно заново открылся нам на недавней выставке произведений этого замечательного мастера в Академии художеств СССР. Выставка посвящалась столетию со дня рождения Кустодиева.

И не было разделяющих нас десятилетий. Живопись Кустодиева дала бессмертие давно ушедшему быту — духу народности, воспринятому и отраженному широко, символически — обобщенно.

В залах можно было встретить старых знатоков живописи, чья память хранит шумные и яркие выставки «мироискусников» — для них это была встреча с давно любимыми произведениями. И рядом с ними — торопливое, молодое племя. Смотрит весело, всего больше увлекаясь сюжетом и карнавальным звонкостью красочных пятен.

Многие ли из молодых зрителей готовы в живописном полотне, в рисунке, в скульптуре или в эскизе театральная декорация прочесть судьбу художника — драматическую судьбу? Далеко не все. Не хватает знаний. Но если появилась жажда взять умную книгу о художнике, полистать талантливое исследование его творчества, можно верить — меж молодым зрителем и произведением искусства еще произойдет интересный диалог.

О Борисе Михайловиче Кустодиеве писали известные советские искусствоведы В. Воинов, М. Эткинд, Е. Лебедева, С. Капланова, В. Кеменов. Но искусство художника движется во времени, и последнее слово о нем едва ли будет произнесено. У Шалапина можно найти признание: «Много я знал в жизни интересных, талантливых людей, но если я когда-либо видел в человеке действительно высокий дух, так это в Кустодиеве».

Постижению этого высокого духа замечательного художника посвящена повесть А. Алексеевой «Солнце в день морозный». * Книга написана легко и свободно, с едва заметной, но вполне уместной интонацией поклонения искусству всемирно известного мастера, с восхищением перед его мужеством и солнечным мировосприятием.

Любовь и доверие, эмоциональный и исторический пласты повествования, сливаясь, лепят в книге обаятельную фигуру талантливого человека — талантливого во всем, но прежде всего в общении с людьми. Он умел радоваться встрече с каждым человеком, его феноменальная зрительная память хранила живое отражение этих встреч — подвижное, многокрасочное, чуть-чуть переосмысленное собственным воображением. Композиционные, ритмические, цветовые гармонии вставали перед ним как реальные видения, и новое полотно вбирало в себя, кроме реальности, запас поэтического восторга, а он в его душе был неистощим.

Автор повести А. Алексеева поставила перед собой задачи отнюдь не искусствоведческие — это уже сделали и еще сделают другие. Ее замыслы были сложнее — попытаться предугадать, из каких истоков бьет его «любовь к жизни, радость и бодрость, любовь к своему, «русскому», что сам художник считал единственным «сюжетом» своих картин, предугадать и предугаданное одушевить дыханием давно отшумевшей жизни, наполнить повесть подлинным мироощущением самого художника, заставить нас, читате-

лей, радоваться его радостью, нести вместе с ним тяжесть предавшего его тела. И удивляться преодолению боли, страданий — этому «поединку во имя живописи».

Как известно, художником можно стать — выучиться писать маслом, рисовать, лепить...

Борис Михайлович Кустодиев был рожден художником — с неугасимой потребностью творить прекрасное. Но и у таланта есть период ученичества, колебаний, сомнений перед решительным прорывом к самому себе, к тому единственному, для чего тебя предназначает природа.

Автор повести ведет нас по улочкам старой Астрахани, на берег Волги, где первый учитель Бори Кустодиева Павел Алексеевич Власов учил его смотреть и видеть. Тридцать лет спустя Кустодиев напишет учителю слова благодарности за то, что нашел у него главное для художника — «любовь к нашему искусству и фанатическое отношение к труду — без того и без другого я не мыслю себе никогда принадлежности к этой почетной корпорации людей искусства».

Наверное, невозможно воссоздать по деталям творческий процесс — тут терпит неудачу не только литература, но и кино. Живое свидетельство, воспоминания, как бы ни были они случайны и отрывочны, нас убеждают куда больше.

А. Алексеева не пытается во всем следовать документам: время, люди, события осмыслены ею по-своему, но как опоры держат мост, так и здесь беллетристическое жизнеописание опирается на воспоминания, письма, дневниковые записи. Часто это не цитата, а лишь достоверно воссозданная атмосфера встречи, разговора, спора. Кустодиев лепил скульптурный портрет Блока и однажды поинтересовался мнением поэта о своей картине. «Это были «Купчихи». Блок смотрел долго. А потом заговорил о том, что символы неотделимы от искусства, что женщина — символ России. Но для разных художников это разная женщина. Например, у Андрея Белого Россию — женщину заколдовал злой колдун, механический колдун XX века. У Кустодиева эти женщины символизируют Россию радостную, праздничную, но не спит ли она в своем довольстве?»

**Под умный говор
сказки чудной
Уснуть красавице
нетрудно, —
И затуманилась она,
Заслав надежды,
думы, страсти...**

Кустодиев слушал, удивляясь пронизательности Блока».

Так или не так разговаривали поэт и художник? Возможно, это всего лишь догадка, и она интересна.

Глядя на солнечные, полные веселой музыки живописные полотна Кустодиева, кто из нас поверит, что многие из них он написал, будучи тяжело больным: паралич ног, постоянная боль в руках ежеминутно приближали трагедию. Но его мучило и другое — ненаписанные картины. Он спешил писать. Но сколько волшебных образов так и не легло на полотно! Рассказ об этом поединке художника со смертью, может быть, — самая большая удача автора повести.

Чем для нас является искусство? Каждый ответит по-своему. Для Кустодиева было жизнью: «Вы знаете, отчего я больше страдаю? Не от болей и неподвижности. А от того, что я уже десять лет не видел Рембрандта, Тициана».

Когда вы в последний раз видели Кустодиева?

Н. ДАРДЫКИНА.

* А. Алексеева. «Солнце в день морозный. Кустодиев». Изд. «Молодая гвардия». 1978 г.